

Повреждено наводнением 23 Сентября 1924 года
Endommagé par l'inondation du 23 Septembre 1924

ЗАПИСКИ

КОЛЛЕГИИ ВОСТОКОВЕДОВ

ПРИ АЗИАТСКОМ МУЗЕЕ

РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ТОМ I

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ НАУЧНЫМИ УЧРЕЖДЕНИЯМИ (ГЛАВНАУКА)
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО (ГОСИЗДАТ)

ЛЕНИНГРАД
1925

Из грузино-персидских литературных связей.

(Памяти трех учителей, В. Р. Розена, К. Г. Залемана и В. А. Жуковского).

Настоящий доклад прочитан 17 (4) февраля 1918 г. в заседании Восточного Отделения, посвященном памяти бар. В. Р. Розена. К этому времени не было в живых еще двух русских ориенталистов — К. Г. Залемана и В. А. Жуковского, только что сраженного неразборчивой рукой Рока. Памяти их всех посвящаю строки, вызванные появлением двух публикаций — «Шан-нәмэ», грузинской версии в издании Ю. И. Абуладзе, и «Висы и Рамина», грузинской версии в английском переводе О. Wardrop'a, и, независимо от английского перевода, мыслями о грузинском тексте персидского романа и о его взаимоотношениях с персидским оригиналом.

I.

«Свежо предание, а верится с трудом». Я имею в виду не день памяти, которой посвящено сегодняшнее заседание; наоборот, как будто мы, отошедшие и оставшиеся, составляем один живой тесный круг, без оборванных нитей общения, без надобности в мыслях о различии традиций, когда перед нами вопрос о памятниках персидской литературы, интересами к которым с той или иной стороны, а иногда с одной и той же стороны, жили и В. Р. Розен и К. Г. Залеман, и как будто среди нас еще витающий В. А. Жуковский, не говоря о более далеких, телесно почивших, но духовно живущих в нас, жили и многие из нас, живые в них и утратившие с ними свою часть. Нет, мне пришел на ум грибоедовский стих «Свежо предание, а верится с трудом», когда я взял в руки для штудий капитальное издание грузинской версии «Шан-нәмэ»: Это «I том» серии «Древняя грузинская литература», материально издания Общества этнографии и истории Грузии. В смысле научной работы это — издание Юстина Ираклиевича Абуладзе, питомца нашего Факультета восточных языков. Содержание издания можно узнать из заглавного листа, в

русском переводе гласящего: «Грузинские версии *Шah-намэ* или *Книги царей*. Текст издал и предисловием и словарем снабдил Юстин Абуладзе». Следует лишь добавить, что изданные пока грузинские версии — все стихотворные. Это том технически превосходно напечатанного поэтического текста на великолепной бумаге. в 790 стр., не считая словаря заимствованных и редких слов (791—849 стр.), собственных имен (849—870), указателя собственных имен и предметов, как то: а) личные имена, б) географические названия, в) животные, г) птицы, д) растительное царство, е) руда, ж) сказочные существа, з) деньги и весы, и) игры в мяч и забавы, к) музыкальные инструменты, л) доспехи и оружие, м) национальные (საჯგერო) и семейные имущества, н) одеяние и наряды, о) красный товар, п) знамена, р) эпитеты (ქვემოთქობა в м. ქვემოტქობა), с) цвета, т) яды и противоядия, у) благовоения (стр. 871—885), не считая добавления к словарю (стр. 885), опечаток (887—888) и предисловия (стр. I—XXXIII), указателя рукописей (стр. XXXIV) и подробного оглавления самого памятника (XXXV—XXXXI), всего 929 стр. in-8°. И когда на заглавном листе стоит «Тифлись. 1916 г.», то невольно мелькает мысль: «свежо предание, а верится с трудом». Даже в Тифлисе, где нас нет и потому, представляется, — хорошо, уже сомнительна возможность осуществления такого научного предприятия, напечатание грузинского текста эпохи не то падения, не то Возрождения, почти в 1000 стр. в наши и, пожалуй, в ближайшие дни.

Грузинский текст, стихотворный, представляет три части: I. Книга о Зоһаке в 113 четверостиший (стр. 3—36), II. Книга о Сәме в 967 (115—1081) четверостиший (стр. 37—297) и III. Книга о Ростоме, т. е. Рустеме, наиболее пространная, в 1860 (1082—2941) четверостиший (стр. 301—790).

В грузинской версии мы вообще не имеем полной передачи персидского подлинника, точного перевода частей и полноты всего текста, это в общем собственно сокращенный, очень урезанный пересказ, лишь местами воспроизводящий, опять таки в пересказе, и детали. В настоящем издании нет и полноты всей грузинской версии III части. Как оговаривается издатель (стр. VIII), «в этом первом томе напечатана лишь половина Ростомииани или книги о Рустеме», третьей части грузинской версии... Из трех частей грузинской версии, как излагает издатель (стр. VIII), «первая, именно книга о Зоһаке, принадлежит секретарю Мамуке, поэту первой половины XVII в., перелазгателем на стихи второй именно книги о Сәме называют Бардзима Вачнадзе, со слов царственного поэта XVII века Арчила, и

¹ Цифра 66 опущена, хотя 6 есть.

с его же слов книгу о Рустеме в поэтической форме изложил Хосрой Турманидзе».

Касательно грузинской версии книги о Рустеме мною еще 27 лет тому назад была напечатана известная издателю статья на грузинском языке (Иверия, 1891, №№ 132, 133, 135), извлечение из студенческой медальной работы, в которой выясняется, что она, как перевод, принадлежит нескольким лицам, по одному Хосрою Турманидзе.

Но главное то, что все они—переводчики времени возрождения грузинской литературы, начавшегося с XVI в., следовательно, грузинская версия не представляет памятника ни древне-грузинской поэзии, ни даже средневековой, куда относятся все классические произведения грузинской светской литературы. На грузинском языке были (отчасти они и сохранились) и прозаические переводы более древние и более близкие к персидскому подлиннику. Грузинские стихотворные версии, собственно,—переложение в стихах тех древних или во всяком случае прежних прозаических переводов. Тем не менее, памятник, изданный Ю. И. Абуладзе, представляет значительный интерес по связи с вопросом о более древних прозаических версиях Шаһ-нәмэ, и большую самостоятельную ценность с точки зрения истории ново-грузинского языка.

Автор во вступительном слове предупреждает, что создавшиеся условия жизни вынудили его отложить обстоятельное исследование грузинских версий Книги царей, и в настоящей книге он помещает «лишь краткие руководящие сведения касательно изданного памятника».

В этих руководящих «сведениях» или, вернее, указаниях есть отдельные ценные наблюдения по критике грузинского текста и по характеристике грузинского перевода, любопытные попытки выяснить, рядом с сокращениями против персидского подлинника, и вклады переводчиков, так, напр., элементы курдского иезидийского религиозного мировоззрения (стр. XXVI—XXVII). Есть страницы три, четыре (XXX—XXXIII), посвященные вопросу «о следах влияния иранского эпоса и Шаһ-нәмэ в прошлом грузин и их литературы».

Особенную важность и желанную новость в этих наблюдениях представляет чреватое для истории грузинской литературы указание, что в возрождении грузинской литературы в начале XVI в. особую роль сыграла турецкая литература (стр. XXI). К этому вопросу однако Ю. И. Абуладзе подходит лишь со стороны выяснения в грузинской версии турецких словарных элементов, чуждых творению Фирдоуси. Это вынуждает отнести выработку грузинских стихотворных версий «в эпоху падения, следовавшую за классической, под влиянием новых течений».

«Потому весьма вероятно», замечает Ю. И. Абуладзе, «что переделка в наличном виде обонх [древних] памятников, версий [Ростомнани] и прозаического Саампани¹ должна принадлежать той поре, когда струи турецкой литературы и жизни вторглись к нам (т. е. грузинам), т. е. в эпоху Возрождения с самого начала или, именно, в первые же годы XVI в.

«Это соображение подтверждается», на взгляд Ю. И. Абуладзе, «и тем обстоятельством, что грузины эпохи Возрождения, одновременно с образцами персидской литературы, знают лучшего представителя золотой эпохи турецкой литературы, Шир-Невай, так, напр., поэт первой половины XVII в. Нодар Парсаданисдзе² сообщает нам в предисловии к Барам-гуриани: „Невай изложил эту повесть на чагатайском языке (ზღაბუჭის ენით). Можем ли мы кого либо представить себе равным ему, как стихотворца, еще и Джамий изложил в стихах ее по-персидски“ и пр. Отсюда видно, что писателям эпохи Возрождения доступны были и образцы турецкой литературы».

Я остановился дольше на этом моменте историко-литературного интереса, выдвигаемом Ю. И. Абуладзе, так как вопрос о том же самом явлении, о возможной и даже вероятной связи грузинской литературы с турецкой, начинает возникать и по фактам и соображениям иного порядка, притом не в одних грузиноведческих и даже арменистических кругах.

Вопрос этот лично передо мною возникал сначала, уже давно, при занятиях средневековым армянским искусством, где бесспорная связь армянского зодчества, его мусульманских художественных элементов, особенно ярких и наглядных в гражданском строительстве анийской эпохи, стали обнаруживать явное ближайшее сродство с сельджукской архитектурой.

Тот же вопрос стал у меня возникать еще недавно при занятиях средневековой армянской поэзией, в которой некоторые явления, хотя бы пока лишь лексического характера, внушали мысль о нахождении армянских поэтов если не исключительно, то одновременно с персидскими — и под турецким литературным влиянием.

Все это внушало мысль о большем, чем казалось раньше, значении малоазийской турецкой литературы ранних эпох не только для турок, но и для соседних народов, и необходимость пересмотра в частности и вопроса об источниках возрождения грузинской литературы.

Вопросом о значительности размахов развития поэзии и литературы у малоазийских турок в последнее время захвачен, как мне известно из личных бесед, и турколог А. Н. Самойлович, и что особенно любопытно, его

¹ В древнем грузинском подлиннике двумя «а» передается долгий «ā».

² «См. статью нашу [Ю. И. Абуладзе] «Барам-гуриани» (სახელბო გაცემი, № 818).

заинтересовали связи литературных произведений мусульман турок в Передней Азии с христианским миром, особенно — возможные литературные связи с христианской народной средой, если не происхождение из нее такого народного сказания, как Короглы. Потому указания и догадки Ю. И. Абуладзе о возможности турецкого литературного влияния на грузинскую заслуживает самого серьезного внимания, причем требуется начать уже прямо с дела, т. е. со сравнения самих литературных памятников.

Мне представляется в то же время, что Ю. И. Абуладзе мало или вовсе не уделяет внимания народным грузинским версиям рассказов различных эпизодов «Книги царей».

В свое время естественно было грешить в другом направлении, сосредоточивать весь интерес на иностранных влияниях, в частности на персидском влиянии в грузинской литературе, но теперь настал уже момент, когда следует считаться со всеми течениями, со всеми источниками развития литературы, безразлично, касаются ли элементы влияния сказки, т. е. фабулы в целом, отдельных ее подробностей, или формы, самой речи, во всей ее целостности, не только лексической стороны, но и грамматической, и художественной в смысле поэтических образов и сравнений. Очевидно, никак нельзя обойти вопрос о собственном народном влиянии, особенно когда дело касается хотя и не классических творений, хотя и сочинений стихотворцев скорее, чем поэтов, притом стихотворцев так часто называемой эпохи падения, но всетаки произведений повествовательности, — памятников грузинской литературы Возрождения.

У Ю. И. Абуладзе в главе «О следах влияния иранского эпоса и Шаһ-нәмэ в прошлом Грузии и их литературы», хотя и бегло и поверхностно, но всетаки отмечены следы этого влияния на письменные памятники, обращено внимание (не могу впрочем утверждать, с какой основательностью) на следы того же влияния и в археологических предметах (стр. XXXI—XXXII), однако совершенно замолчены народные версии и сказания о героях Шаһ-нәмэ, народные версии как устные, так и популярные в народе списки отдельных эпизодов, и ничего не узнаем об отношениях их к литературным стихотворным версиям.

Между тем, когда у Ю. И. Абуладзе читаем (стр. XXVI), что грузинский стихотворец, сокращая, иногда совершенно выкидывал историческую часть о жизни царей, в то же время, например, в «Ростомиани», подробно, иногда не без изыщества, повествует и, пожалуй, еще больше растягивает некоторые эпизоды (так в видении сна богатыря Сәма или в романтических приключениях Зәла и Рудабы и «Бежана и Манижавь»), то невольно задаемся вопросом, есть ли эти приращения — вставки и воль-

ный полет фантазии самого стихотворца или они находятся в какой либо генетической связи с тем обстоятельством, что именно эти эпизоды имели психологическое распространение и популярность в грузинской народной среде, особенно повесть Бежана и Манижавы?

Из остальных частей исследования Ю. И. Абуладзе я ограничусь приведением его характеристики грузинской версии Книги о Рустеме (стр. XXVII):

«Таким образом видно, что излагатель Книги о Рустеме в поэтической форме, следуя шаг за шагом в своем труде за изложенными в Шаһ-наме Фирдоусия приключениями Рустема, превосходно усвоил литературную манеру переделывателей „Книги царей“.

«Незаметно, чтобы его перо отступало от главного пути повествования о Рустеме, как оно изложено в Шаһ-наме Фирдоусия: он лишь сокращает ту часть произведения Фирдоусия, которая касается истории царей, и в то же время, со своей стороны, вносит сведения и термины, характерные для него, переводчика, личную эрудицию и мировоззрение».

В словаре и вообще объяснениях слов издатель злоупотребляет вниманием, обращенным на иностранные слова, заимствованные в грузинском: иностранное происхождение многих из них давно известно, вошло с пометкой и в словарь, и это лишь излишество, напр. აზატო *azat*, ამბავი *ambavi*, ჯამრახი *jamrachi*, ასაკი *asaki*.

Иногда при этом за иностранное слово выдается грузинское, так в 438 четверостишии 3 стих гласит —

კარავ-ოთახნი დაიდგეს, გარე მოიგლეს ავლითა

иранцы „поставили себе палатки с кошатами, обошли кругом, [играя] на «свирели» или «дудке»: ავიღ-ი или ავიღ-ი по-грузински, как то указывают и лексикографы (Орб., Чуб.), значит «свирель», «дудка» «музыкальный инструмент». Ю. И. Абуладзе сначала в примечании (стр. 131, 12) пояснил его, догадываясь по контексту, словом «ров» (თხრილი), а затем в словаре (s. v.) признал в нем какое-то турецкое «الولو» в значении *галлерей, ограды, павильона, двора*, для текста нашего совершенно неуместном.

С другой стороны, в персидском خجسته *qūdeste*, в грузинском произношении *qūdesde* *счастливый*, у переписчиков грузинской версии искаженном в უჯესთესი *uǰesθes-i* (302, 2), а в одном рукописном списке предупредительно переделанном в грузинское უჯესთაქს — *uǰesθaes* *высший*¹, наш издатель признал это именно слово, без всякого объяснения, на каком это говоре

¹ Рп. № 1505: კვლამწიფეთა უმაღლესო, უჯესთაქს ბრძენთა ბრძენო.

грузинского языка в данном слове мог бы появиться звук *z* в м. Ч *z* (в с с *z* ш чередуются в нем часто).

Издание Ю. И. Абуладзе, во всяком случае, бесспорно ценный вклад в историю изучения грузинской литературы; в отношении памятников ее Возрождения это первый опыт такого задуманного в широком масштабе и исполненного с большой преданностью делу, с необычайно любовным вниманием к персидско-грузинским литературным связям и исключительной ориентированностью в мало привлекательных по художественному значению литературных произведениях Возрождения, что и дает Ю. И. Абуладзе силу, делая свое скромное, пужное дело мастерски, попутно делиться цепкими наблюдениями и бросать меткие замечания. При этом, на всем лежит печать близкого духовного общения с нами, с петроградской востоковедной средой: Ю. И. Абуладзе не только питомец Факультета восточных языков, но и упорный проводник в грузиноведной литературе, независимо от грузиноперсидских литературных связей, того общего интереса к персидским творениям, в частности к персидским эпическим рассказам и особенно к «Книге царей», который так сильно занимал наши круги иранистов именно в части об ее генезисе, о генезисе «Книги царей». Нужно ли напоминать перечень немногочисленных, но руководящих то по материалу, то по освещению работ о Шаһ-нәмэ, вышедших из-под пера покойного В. Р. Розена: я невольно вспоминаю, думая о реальном значении этих работ, и сопоставляю два дальних и разнородных случая. Когда я в 1894 г. слушал лекции проф. Нельдеке по Шаһ-нәмэ в Страсбурге, выдающийся знаток персидского эпоса при устлавливаньи чтении спорных стихов опирался на список, работу бар. Розена. Когда я перелистывал страницы работы, предмета первой части моего беглого сообщения, то я переживал в научной заинтересованности ее грузинского автора, тифлисского грузиноведа, живой образ моего учителя. Он жив в этом научном идейном мире в 1918 г. так же, как жив был он 23 года тому назад на лекциях Нельдеке в Страсбурге, отсутствуя телесно. Мертвые нередко живут с нами, а живые также нередко отмирают, отходят.

Печатный станок, конечно, заработает снова в Тифлисе, техника, вероятно, еще более усовершенствуется, но обновится ли прерванная духовная связь грузиноведной работы Тифлиса с петроградской научной востоковедной школой и получат ли усовершенствование и дальнейшее своевременное и достойное углубление идеи, заложенные в наших научных исканиях, в частности научных исканиях арабиста В. Р. Розена, отнюдь не чуждавшегося и грузиноведных интересов, в области взаимообщения литературных сюжетов и иранского, и византийского, и христианского, и мусульманского, и отклонявшихся от них миров? Будем уповать.

II.

Из Тифлиса в Лондон. Еще раньше, именно в год самого начала войны Oliver Wardrop издал великолепно исполненную технически книгу в новой серии Oriental translation Fund, нов. серия, т. XXIII под заглавием «*Visramiani. Повествование о любви Висы и Рамина. Романтический рассказ древней Персии. Перевел с грузинской версии Oliver Wardrop*»¹.

Узнал я о появлении этой книги недавно из Rivista degli studi orientali за 1917 год, где I. G[uidi] ей посвятил две, три страницы (754—756), где между прочим я обратил внимание на следующие строки: а) английский «перевод исполнен по изданию текста 1884 года, которому воздаются большие похвалы» (стр. 754) и б) «по остается еще определить, в каком точно отношении находится Виса и Рамин [персидская поэма] ал-Джурджани к грузинскому Visramiani» (стр. 755).

Проездом через Петроград в Москву О. Wardrop был у меня и вскоре дал мне возможность располагать его новой работой.

В предисловии автор дает характеристику этого «одного из древнейших романов», библиографические данные о персидском стихотворном произведении Wis o Ramin и его значении для развития европейского романтизма в песнях миннезингеров, мотивах (the laus) труверов и в письмах Элоизы, со ссылкой на сделанное N. Ethé² сопоставление *Висы и Рамина* с творением Готфрида Страсбургского *Тристан и Изольда*. Делается ссылка и на русскую работу бар. Р. Р. Штакельберга³.

Автор, как переводчик, выражает свою благодарность «Михаилу Церетели, из Heidelberg'a, который разъяснил много трудных мест в тексте, и Ф. Сахоки, из Брюсселя, прочитавшему все корректурные листы. Их усердие сделать передачу насколько возможно точной было неослабевающим», заключает О. Wardrop (стр. VIII).

В этой среде, по всей видимости, не было сведения о существовании статьи моей «К вопросу о влиянии персидской литературы на грузинскую», появившуюся двадцать лет тому назад в ЖМНП (1897, стр. 223—227). Это, правда, лишь критическая заметка, резкая, но, если не ошибаюсь, ясна именно по вопросу об отношении грузинского текста к персидскому. Статья составлена на основании уже упоминавшейся студенческой медальной работы, выяснившей окончательно, что грузинский текст есть перевод, а

¹ Visramiani. The story of the lives of Vis and Ramin. A Romance of ancient Persia. Translated from the georgian version by O. W. London 1914.

² Essays and studies, Berlin 1872, 295—301.

³ Несколько слов о персидском эпосе «Виса и Рамин», Труды Вост. Ком. Моск. Арх. Общ., II, 1896.

персидский — подлинник, и грузинский переведен именно с персидского произведения Фахр-ед-дина Гургани.

Конечно, подробностей в оценке особенностей грузинского перевода в печатной статье нет, а одна сторона совершенно тогда не затрагивалась, именно техника самого перевода и отношение поэтического стиля переводчика, вообще его грузинской речи к определенной диалектической среде, вообще к народному грузинскому языку. Между тем, сейчас у нас встал на очередь именно этот вопрос, и с этой стороны я заинтересован грузинской версией Висы и Рамина.

Однако работа эта мною далеко не закончена, и я лишь хочу поделиться несколькими соображениями, подкрепляя их примерами, в большинстве из начальной части романтического произведения и в связи с этим интересом лишь попутно коснусь работы О. Wardrop'a, собственно вместе с ним трех лиц.

Однако, грузинское издание 1884 года, кстати, случайно также труд совокупных усилий трех лиц, поэта Чавчавадзе, грузиноведа П. Умкатишвили и Ал. Сараджишвили отнюдь не заслуживало бы даже скромных похвал, если бы не та всетаки их громадная заслуга, что и читающая публика, и ученые без них не располагали бы вовсе печатным текстом одного из важнейших памятников древне-грузинской светской литературы.

В тексте большое количество всякого рода искажений.

ზე ადგნეს თავს <კელთა არგნის> მქონებულნი «предстояли перед ними, держа в руках скипетры», говорится в грузинском тексте об одной категории слуг (5,13), а английский переводчик, следуя худшему, собственно дефектному чтению, вынужден неосмысленное чтение «предстояли, имел в своей руке (?)» восполнить толкованием и осмыслить так: «они стояли, исполняя каждый свою обязанность» (They stood, each fulfilling his office 5,10—11).

Как и в персидском подлиннике (19,18), в грузинском тексте читаем (8,15—16).

خرد این راز بر جاننش نبکشاد	ცნობამან ესე ხუასიადი მისის გულის- გან <არ> გამოაცხადა.
که از مادر بلای وی همی زاد	რომელ დედისგან მისი ფათეურაკი იშო- ბებოდა.

«Разум не открыл его сердцу той тайны, что от матери родится се бедствие».

Вместо dedisagan = از مادر от матери грузины-издатели воспроизвели искажение своего списка didebisagan от величия, и английский пере-

водчик последовал за этим искаженным чтением издания, хотя сам признает текст темным (texte obscure) в примечании, где поместил он правильное легко восстапавливаемое чтение.

В налпчном грузинском тексте в одном месте (13,16) вм. saql-i дом читается saqe *лицо*, и потому выходит с первого взгляда как будто и хорошо, хотя и не совсем ясно, что Шахро Впсу —

ქსრე შეჭკაზმა, ვითა მანე წინეჯლის სსეჟ. убрала так, точно лицо китаЙца Манпя.

Английский переводчик, введенный в заблуждение изданием, где P. падеж mane qnel-is-а *Манпя китаЙца* напечатано как одно слово Maneqneli-p-el-i, не перевел его, а транскрибировал по-английски — «Manechineli», признал в нем прилагательное и, усматривал с некоторым колебанием в нем, целом, синоним грузинского прилагательного qn-ug-i *китаЙский* (предмет), предлагает с вопросом Maneqneli saqe, будто означающее «китаЙскую форму», понять в смысле *китаЙской ирუჟი* или *ფარფოროვი ირუჟი* («a Chine doll, or porcelain doll»).

На самом деле нарядность Впсы, как ее убрала мать, сравнивается с богато расписанным «домом» (читать надо saql-i вм. saqe) китаЙца Манпя, о котором речь в преданиях о Манпи¹.

В персидском подлиннике стих совершенно ясен (24,12).

چنان آراست آن ماه زمين را كه مانى صورت ارژنگ چين را

«Она, Шахро, так нарядила земную луну (Впсу), как Манпи картину расписанного здания² КитаЙа».

По недоразумению со стороны переписчиков появляется в грузинском тексте შთა მთა *гора* вм. თბა *волос* (74,3):

ცანი ზემა თმისებრ დაწლბილჯა «тело мое истоньшало как *волос*»

следует здесь читать, как это явствует из двух персидских двустиший (73,20), из коих в первом говорится, что «тело стало иным», а во втором —, что «оно — *волос* (مويست)».

Неправильное чтение с *горой* вм. *волоса* и переведено на английский язык, причем переводчик выходит из затруднения, восприняв форму этого слова как определение «тела», точно она звучит შთისებრ и соответственно передает (66):

«Моя подобная горе форма стала тонкой»³.

¹ Flügel, Mani und seine Lehre, 113 сл.

² ارژنگ, ارژنگ, ارژنگ «здание, расписанное Манпем».

³ «My mountain-like form has become thin».

Гампи в длинной речи между прочим говорит по персидскому подлиннику двуступнем (74,4):

روز اندر میان غمگساران جو گویم بیش چرگان سواران

«Днем среди друзей¹

Я как мяч перед чоганом всадников».

В грузинской передаче по искажению переписчиков вместо *мяча* (ბურთ-ი) читается ბუთ-ი *кумир* (ბ), и место бессмысленно. Wardgor постарался осмыслить это бессмысленное чтение, разбив на две самостоятельные мысли использованную для сравнения одну картину из игры в поло, и дал такой английский перевод:

«Я похож по бесчувствию на безголовый *кумир*; когда я верхом на коне, я *имею успех* в палке для игры в поло»².

На самом же деле с восстановлением правильного чтения ბურთს ვმ. ბუთს грузинский текст гласит:

და კაცთა ჩემთა მკუთარეთა ვკახლა,

უთალს ბურთს ვვავ უცნობობითა ცხენისანთა უკანგსა უსწრობილსა.

«Когда я в обществе моих друзей,

Я похож бессознательностью на бестолковый (*букв.* безголовый) мяч опережающий палку] для поло (в руках) всадников.

В письме к Шахро, царь Мобед предлагает бросить вражду и цепой одной женщины, своей дочери, купить большое царство, «пначе», пишет он (45,2), «его (или ее) страна (მისი ქუეყანა) будет опустошена моими враждебными действиями».

Кого «его||ее» страна? Если речь идет об ее, Шахро, стране, как понял, судя по английскому переводу, Wardgor (her land), то по-грузински не допускается употребление местоимения 3-го лица *მისი* при обращении ко 2-му лицу: в грузинском нет итальянского способа обращения. Очевидно, *მისი* здесь искаженное чтение вместо *მამისი* или *მამისი*, т. е. это Р. падеж не грузинского местоимения, а персидского собственного имени *ماه*: речь, значит, о стране «*Māh*» или *آباد ماه*'e (16,3), которая в стихе, соответствующем занимающему нас пассажи, названа *بزم ماه* (51,11)³. Следовательно, грузинская фраза с этим словом первоначально гласила (45,1—2):

¹ غمگساران букв. *отводящий печаль*, рассеивающий грусть.

² Стр. 67: «I am like a headless idol in senselessness; when on horseback I am successful with the polo-stick».

³ По названию страны и сама Шахро в грузинском тексте названа *māh-duqt* в. *māh duqt ماه دخت* «Дочь (страны) *Māh*».

თუ არა და მანის ქუეყანა ჩემითა მტერობითა აკრძდების «не то, страна Мах будет опустошена моею враждой».

То же название страны ماس и в 71,9 обращено в то же местоимение მის misa вместо მანის mah-is-a (71,4), и потому сообщение о Рамине, что — მანის ქუეყანის ზატრობი იყო «он был господином страны Маха»¹ в английском переводе обратилось во фразу:

«Он был господином *своей* страны»².

Порою Wardrop не мог не заметить, что текст искажен, по все-таки давал перевод, и в таком случае сам бывал вынужден снабжать собственный перевод оговоркой: «The text is obscure», так, напр., стр. 9: «Vis and Ramin should not be blamed, because, by the decree of God, they are not controlled by wisdom».

В грузинском тексте (9,22) опущено слово *gza doroga*, как ясно при сопоставлении с перс. подлинником (22,9), и восстановив его — ვის-რამანს უუდრება არ უნდა მით რამელ ღმრთისა განგებისა ვზა სიბრძნითა არ შეიკუროს, получаем вполне ясный текст:

«Нельзя упрекать Вису и Рамина, так как мудростью не закрыть (*бუნс.* не связать) путей божьего предопределения».

Судя по персидскому подлиннику სიბრძნითა здесь измнен³:

که راه حکم بزدان بست نتوان
მით რამელ ღმრთისა განგებისა ვზა არ შეიკუროს.

«Так как нельзя связать пути Божьего предопределения».

Хотя и перевод, текст грузинской версии романа Висы и Рамина представляет много своеобразных грузинизмов, не мало выхваченных из живой грузинской речи выражений.

Прежде всего, когда памятник называем древне-грузинским, то это понимается в общем значении принадлежности его к произведениям до эпохи грузинского Возрождения, начинающейся с XVI—XVII в. Это памятник грузинского средневековья, так с начала XII и по момент, приблизительное определение которого с недавних пор стало ускользать из под наших ног.

Дело в том, что ante quem Вис-Рамини определялось известностью романа автору од Тамары, Чакрухадзе, и Шоте из Рустава, творцу Витязя

¹ Персидский стих:

وليکن ماہرا شاہ و خداوند
«Однако Маха шах и господин».

² «And was lord of his own land».

³ Если სიბრძნითა не вместо სიბრძნისა, перевода вторичного حکم: განგებისა || სიბრძნისა.

в барсовой шкуре. Автор од Тамары лишь упоминает о героях нашего персидского романа и, следовательно, он мог и не пользоваться занимающим нас грузинским переводом. В творении Шоты сказывается знакомство с этим переводом. Но вот возник вопрос, правда ли Шота современник Тамары? Не писал ли он у себя на родине в Месхип в эпоху забытого и плохо освещенного ее культурного расцвета в XIII—XIV вв.?

Для близости стиля памятника к живой грузинской, даже новогрузинской речи это обстоятельство еще более показательно.

Но главное дело в том, что самая система перевода несколько иная, чем та, которая подразумевается нами, когда мы, филологи, теперь говорим о точном переводе.

Вис-Рамшани, конечно, точный перевод персидского стихотворного романа «Виса и Рамшани»; перевод настолько верен персидскому подлиннику, что грузинский прозаический текст представляет собою лепту как бы пропущенной отдельных фраз, воспроизводящих персидскую поэму двустопием за двустопием, стих за стихом, и в этом смысле у меня возникла мысль о целесообразности критического издания грузинского текста с разбивкой его на двустопия и стихи в прозе.

Однако переводчик, я бы даже сказал автор перевода не задавался мыслью соблюсти точность в словарном соответствии мыслей или в материальных формах образов персидского текста, а, верный тому, что рассказано или художественно изображено на персидском языке, грузин-автор в своей точной передаче точно соблюдал особенности грузинской речи и грузинские образные и культурные представления.

И делалось это не только потому, что Вис-Рамшани есть памятник изящной словесности, предназначенный для удовлетворения литературных вкусов образованного грузинского общества определенной эпохи, а не священное писание со святостью каждого изгиба мысли оригинала, каждого его выражения как реликвии. А потому, что, пока не вмешалась греческая школа, представления о переводах было всегда такое у грузин и у армян. Первоначальный армянский перевод, а вместе с ним и грузинский перевод св. Писания свободен от педантического буквоедства, от раболепия перед структурою речи оригинала и ее формами, перед ее образными выражениями¹.

¹ Это весьма близко к тому, что Edward P. Morris в интересной заметке *A science of Style* (*Transactions and Proceedings of the American Philological Association*, 1915, vol. XLVI, 115) называет «методом хорошего перевода». В заметке, на которую обратил мое внимание Р. П. Блэйк, автор-американец так характеризует хорошего переводчика, понятно, на английский язык (ц. м.): «this is what the translator does, not rendering the words or the structure of the sentence or even the order, but going below all these, below the surface of the writer's mind, to

Вот в этих то пределах мы и замечаем стилистические особенности грузинского текста Вис-Рамшани.

О некоторых этого характера особенностях грузинского текста мне приходилось уже говорить в упомянутой ранней студенческой моей работе, появившейся в печати лишь в извлечении. Избегая упорно и непривычных грузинскому обществу поэтических образов, так — сравнения женских грудей с гранатами, и не общеизвестных в Грузии персидских культурных терминов, так — выражения «семь *климатов*» или «книшваров», двуступенчатого персидского оригинала (60,10) —

نرسنه نار دو پستانت از بر¹ هواس نو² برست از هفت کشور

«Не выросли гранаты твоих сосцов на груди,
Страсть 'же' твоя разрослась по семи климатам»

грузин-переводчик передал так (56,14—16):

ვერედ ბრწყინისებრ კოკობი და არ დამწიფებულნი სარ,
და შენი სიყვარული ღმრსავლეთით დასავლეთამდის რად დამწიფდა?

«Еще ты пераспустившаяся почка граната, не зрелый (еще плод),
«Почему же любовь твоя созрела (во всем мире —) с востока до запада?»».

Арабское название духа персидского подлинника (71,11) *رضوان* грузин переводчик заменил (71,6) родным термином яфетического происхождения ქაჯი qad-1.

Тем же qad-1 в других случаях (73,22, 75,2) передается то персидское *პრिზად* (73,13)³, то *پری* (74,22).

Не мало отступлений менее заметных в отдельности, но в общем языку перевода придающих цельный грузинский стиль, так — когда персидский подлинник говорит (14,15), что «соловьи *стонали* (نالیده) над розой», в грузинском (5,15) тексте читаем: «влюбленные в розу чиркали над розой».

Грузин-переводчик не сохраняет выражения персидского подлинника «сто нежностей» (*بصد نان* 22,20), заменяя цифру прилагательным «много» (*მრავლითა ნებერობითა*, 11,11).

get his germ of thought, with all its shadings and convolutions, and then returning to the surface with the thought in English words and idiom. This is the process which a hearer's mind goes through; his interest in the words is slight; he is following the thought under the words and can often recall the thought when the words have been forgotten».

¹ В изд. هواس.

² В изд. پرست.

³ Собственно «лицо того порождения перн» передано словами «лицо прекраснее лица qad'a».

Иногда, наоборот, грузинский текст указывает цифру 60, (многозначительную для грузинской народной среды), но в персидском множество выражается иным способом; так в соответствии персидскому двустышию (23,4)—

جو بیند جامہای سخت نیکو بگویند هر یکی را چند آهو

«Когда Виса видит прекраснейшие платья,

«Она говорит о *нескольких* недостатках в каждом из них»

в грузинском (11,19) читается:

«В какой бы степени бесподобных платьев не шить ей,

«Она укажет в них 60 видов пороков».

Оказавшись перед пословицею персидского подлинника (23,17) — «из ста пальцев не выходит дела одной головы, ни из трехсот звезд дела одного солнца», грузин переводчик не заметил ее в целом равнозначущим грузинским народным речением, но при передаче на родной язык допустил несколько отступлений, так в числах (12,15—17):

„*Пословица*: «из *десятка* пальцев не выходит пригодности столько, сколько от одной головы, от *тысячи* звезд — света *одного* солнца“».

Многочисленность подарков Мобеда матери Висы в подлиннике выражается словами (51,20):

که نتوان کردن اندر دفتری یاد

«Нельзя перечесть их в одном دفترе»,

т. е. в одной конторской книге.

В грузинском тексте (45,15):

ღამეულ თუით კაცისა ენისაგან არ ითქმის

«Нельзя даже выразить человеческим языком».

В грузинском ряд своеобразных черт и стилистического характера, так, например, сравнения.

Грузинский переводчик избегает точной передачи персидского слова *بُت* *кумир*, когда оно появляется как эпитет *огна*: в применении к женщинам оно замещается термином прилагательным, означающим *красавицу* в полож. и сравн. степени:

კეკელუნ^ბ 6,5

უკეკელუნტა^ბ 6,11

دو بت 16,6

بتان 16,14

კეკელუნტა^ბ появляется и в соответствии *جادو چشم* «с *чародейственными глазами*» (6,6 = 16,7), но природное его значение — «красивый», «прекрас-

ный», «красавец, красавица», и с этим значением он, напр. 71,7 соответствует персидскому *خوب* (71,11).

Однако слово *ბ* *кумир* в грузинском тексте сохраняется в иных случаях.

Некоторые пропуски и отступления объясняются именно тем, что автор грузинского перевода, имея определенный путь изложения читателям-грузинам романтической повести в родных им образах, избегал чуждых сравнений, так про двух испаганских красавиц в персидском подлиннике сказано (16,6): «Из Испагаш два кумира, как *луна* и солнце». Помимо того, что грузинский переводчик по особому основанию, как было сказано, избегал упоминания о «кумирах», он опустил «луну», так как в представлении грузин, древних грузин, луна — мужчина и лишь солнце — женщина. Потому тот же стих в грузинском переводе гласит (6,6):

სხვაანგელ[ნ]ი ორნი მზისებრნი კეკლეუნნი

«Две испаганские *красотки*, подобные солнцу».

И когда в таком сравнении одиноко стоит «луна», грузинский переводчик ее заменяет солнцем, как, напр., в двустишии 24,7:

چرا اورا پیش خود بر گاه بنشاخت همی از ماه تابان باز نشاخت

«Когда (Шахро) посадила ее перед собою на трон,
«Не отличила она ее от сияющей луны».

В грузинском тексте читается (13,11—13):

და თავის წინა ტახტის ზედა დასვა,
შატრო უჭეკეტდა, მზესა და მას შუა
სატილობელ შექმნა, თუ რომელ რე-
მელია.

«И (Шахро), посадив Вису, перед собою на трон, глядела на нее, и для нее стало спорным, кто из них двух Виса и кто солнце?».

Т. е., кто действительно солнце, Виса или небесное светило?

Кстати, этот способ выявления превосходства, независимо от предмета, с которым делается сравнение, излюблено в грузинской поэзии.

Что же касается сравнения с солнцем, то это господствующий мотив у однопса Тамары. Так:

1) IV, 2.

მან ცათამ არის
მან ცა თამარის
და მზე აბნელა
მაცისკრეფენებად

«Он, небесный, Марса
жгилце отвел Тамаре
и солнце она затмила
так, точно оно [не солнце, а лишь] утренняя звезда».

2) IX, 3.

ზევესმან მზედ გიტნა,
სამყოფნი გიქნა
ლეონის ეტლთა :
მოგარბევანი

«Зевс признал тебя солнцем,
Жилнице устроил тебе
на колеснице Льва:
спешно за тобою ее погнал».

3) X, 1.

თქუენ ას ენათა :
«მზეო ზენათა!»
თუმცა მზე ეთერს
ნამტკიცებარე

«На ста языках говорят :
„О, солнце выпси!“
Хотя солнце на небесном эфире
прочно стоит».

4) VII, 1.

გემობ თამარ მზესა
უმზესად ზესა
მით, რომელ უცხო
სარ სხილველი

«Возглашаю тебя, Тамара, солнцем,
вышним, распросолнечным,
так как чудное
ты видение!».

5) V, 47.

ეთერთა მთენნი
თქუენგან ნარცხუენნი
შენვე გეძებენ
ღონისა წვევად

«Светила небесного эфира,
пристыженные тобою,
тебя же ищут,
чтобы призвать на помощь||набраться сил».

6) II, 14.

არსნი მზედ გემობენ,
შვიდნი გამეობენ :
ვინცა შეტეოდა
თავისა ქნარი?

«Светила возглашают тебя солнцем,
Семь планет восхваляют тебя :
Кто мог грешить перед тобою
на гуслих?».

7) VII, 4 — 7.

განტყიფრდეს არსნი,
გმამაღლად მზახნი
ამას იტყვიან :
«ჰე სკუიერველი!
თუ არს მთოვარე,
რად მზეობს არე?
რად არა ღდეს
შეიქმნა ბნელი?
ანუ თუ ელობს,

«Светила в изумлении,
громогласно вопия,
говорят :
„о, чудо!
Если она — луна,
почему пространства залиты лучами солнца?
Почему ни на миг
не наступило мрака?
Если же она — молния,

რად დანთქემა გუქელობს? არ მსწრაფელ გუქევის შარავანდელი».	Почему объемлют нас волны потопа света, а не на миг озаряет нас лучь?«.
გამეაროს სრული, ედემს ასრული, სჩანს შეიღთა მნათთა მანათობელი.	Совершеннам мира вселепной, Взойдя в эдем, Она является светилышком Семн светил».

Местами в грузинском тексте не только особенности грузинской речи и поэтического стиля, но и своеобразие реальных подробностей и даже их излишек, так, напр., по персидскому подлиннику мать при первой встрече с верпುವშიყა от кормилицы дочерью, как гласит двустишие 24,6 —

خجسته نام بزدانرا بروخاند بسی زر وبسی گوهر بر افشاند

«(частливое имя богов призвала пад нею, Осыпала ее множеством золота и множеством драгоценностей)».

В грузинском же тексте (13, 8—11) читаем:

Мать Шаჰო —

ეკლ-ჰერობით მადლი მისცა ღმერთსა და მისითავე სსხელითა შეუღრცა და პირსა შეჭბერა, რომე თუალი არ ეცესო. მერმე გლახათა სკედა ურიცხვი რქრო და სქონელი გასცა.	«воздев руки, воздала благодарение Богу и Его же именем совершила пад нею молитву и душула ей в лицо, чтобы глаз не повредил ее. Затем она раздала бедным несметное золото и имущество».
---	--

Самое разительное в грузинском внесении народного поверья о сглазе. Из других же подробностей любопытна замена осыпания нового лица золотом и жемчугом (გოჰრ), как это было в обычае и в Армении при свадьбе, раздачею золота и имущества (saqoneli) бедным, о чем речи нет в персидском тексте, но что, очевидно, понятнее было грузинскому обществу времени переводчика.

Кроме того в Vis-Ramiani появляются, как, напр., в targumных переводах Ветхого Завета, передавших эту особенность сирийскому переводу св. Писания в кое каких его частях, пояснительные вставки; напр., про царя Мобеда, но-грузински Моабада, читаем (стр. 4,11—12):

«Сам царь и все его государство были огнепоклонниками. Этот государь был до пришествия Христа».

Впрочем такие пояснения иногда, так в частности именно приведенное, могут быть и позднейшими вставками.

При упоминании о Каране, муже Шахро, грузинский текст дает излишек-пояснение (стр. 7,24 — 8,1):

«Однако, Шахро была более родовита, чем Каран. Шахро из потомков (ნატამალო) того царя Джимшеда, который был пятым государем после Адама».

Иногда, казалось бы, в грузинском тексте тавтологический излишек, так, напр., за следующими двумя фразами — «над договором их прошли многие годы, и все забыли о нем» (8,20—21), представляющими перевод одного персидского двуступишия (20,1: «над этим договором многие годы прошли, из сердец весь этот разговор исчез»), в грузинском тексте еще две фразы (8,21—9,1), не имеющие соответствия в персидском подлиннике. Они гласят:

მათი ამბავი დასვენლდა, მათი საქმე აღარავის მოეგონებოდა

«Их история состарилась, их дел никто уже не помнил».

Но эти фразы, очевидно, лишь глоссы к двум предшествующим, их парафрастическое изложение.

Для перевода грузинский текст Vis-Ramiani может представить значительные затруднения, если с одной стороны не уловить некоторых, не всегда резко выступающих особенностей живой речи грузинского средневековья, с другой — не считаться с персидским оригиналом. Порча текста лишь усугубляет эту трудность и еще более усиливает потребность в обращении к персидскому подлиннику, в справках в его чтении (5,14—17).

მოასხნეს მრავალ ფერნი და კარგნი მუტრიბნი, ცალკერძ და ცალკერძ იმღერდიან, ვარდისა მიჯნურნი ვარდის ზედან დასტიკტიკებდიან და მუტრიბთა შეუქმობდიან.

«Привели прекрасных артистов различного рода, одни играли с одной стороны, другие с другой, влюбленные в розу чирикали над розою и вторили артистам».

Английский переводчик не совсем точно перевел весь пассаж, а картину одновременного пения в различных частях собрания совершенно видоизменил, передав место словами «они пели один за другим («one by one they sang» 5,18).

Уклонение английского перевода ярче выступает, когда мы видим сомкнутость в данном месте и грузинского текста сравнительно с персидским оригиналом, гласящим (14,15) —

«С одной стороны артисты заливались над вином,
С другой соловьи плакали над розой».

Занимательные искажения наблюдаются в грузинском тексте с име-

нами¹; про пару красавиц из Исфагана Аб^Га^Гн^ниш и Абен^на^нид в персидском подлиннике сказано (16,8^a):

گلاب وياسمن دخت وزيران

Так перевел, очевидно, и древне-грузинский переводчик, но в дошедшем до нас грузинском тексте, помимо несуразного знака препинания (ასსს მახვანისის), گلاب, читавшееся جلاب ჯუღაბ, искажено в ჯაღაბ- dalab— семья, и потому в английском переводе (стр. 6) читается или «жена и дочь визиря Иасамы [?]» (отнесено к Шакарлабу) или «Джалаб и И(а)саман, дочь визиря», во втором случае и искаженное Джалаб, вместе с Иасаманом, принято за собственное имя.

Три эпитета красавицы Нуши из пределов hУмавена в персидском (16,1)¹ —

هميدون نار و آذرگون و گلگون

в грузинском были транскрибированы, но первый — نار — под пером грузин переписчиков обращен в მახვან *нежноватый*, и вместо стиха, гласящего:

«одновременно гранат, золотоцвет и гул-гун (цветок розовый)».

английский перевод дает

«The tender Adragun (i. e. Asphodel) and Gulgumo».

Следующий сравнительный список имен красавиц из грузинского перевода (стр. 6,2—18) и персидского подлинника (стр. 16,3) может дать представление о расхождениях в этом кругу терминов².

1. შაჰრო მაჰდუტ	Shahro mahduqt 6,2—3	شهره ماه رخ 16,3
2. —		زان ماه آباد
3. ადრბადაღანელი	Adrabadkaḡan-el-1 6,3	آذربایگانی 16,3
4. —		سر آزاد 16,3
5. მანოშ	Manosh	آبنوش 16,4
6. ასუბურგანელი	asḡburgan-el-1	زگرگان
7. ნასლაქით	Naslaqıḡ	ناز دلیر 16,4
8. დეჰისტანელი	Dehistan-el-1	از دهستان 16,4

¹ В английском переводе эти искажения еще более усилены.

² Грузинскую передачу сопровождаю для сведения незнакомых с грузинским письмом фетидологической транскрипцией, в которой q = 5 с мягким произношением, так называемым придыхательным, q̣ = خ, ḡ = ج, ḳ = ق (в турецком произношении османцев или азербейджанцев), исходный -1 в грузинском окончании Им. падежа, а ему предшествующий слог -el форма, реально соответствующая тому, что по-персидски выражается предлогом «из» (از).

9.	დინირგეს	Dinirges 6,4	زری دینار کیش ¹ 16,5
10.	ზარნირგეს	Zaringes ¹	زرین کیش
11.	შთის ძირელნი	Mθis dir-el-n ²	زبوم کوه 16,5
12.	შირინი	Ширин-1	شیرین
13.	გურგესი	Gurges-1 6,5	بری ویس [?گر کیش]
14.	ასპანელი	Aspa[h]an-el-1	زاصفاهان 16,6
15.	აბანოზი	Abanoz-1	آبنوش 16,6
16.	აბანოედ (აბინაჰედ)	Abanoed (Abmahed) 6,6	آب ناهید
17.	—	—	زر ستون 16,9
18.	—	—	کنارنگ
19.	შაკარლად	Шaqarlab ³ 6,7	شکرلب 16,10
20.	და აბანოშ	da ⁴ Abanoš	(sic) نوش
21.	ერაკელი	Erak-el-1 6,7-8	ازبوم هاون
22.	შირასელნი	Шiraz-el-n-1	زن شاه = ز شراز? но стих? 16,12
23.	შინამ	Шa[h]nam	سہی نام
24.	საინლა	Sa[h]lab[a]la 6,9	سہی بالا ⁵
25.	—	—	رخ از ماه
26.	ჩინელნი	Čim-el-n-1	چین 16,14
27.	—	—	هند
28.	თურქნი	Šurq-n-1	—
29.	ბარბარელნი	barbar-el-n-1 6,10	بربر
30.	ბერდენნი	berden-n-1 ⁶	روم

В грузинском некоторые сокращения сравнительно с персидским подлинником казалось возможным признать намеренными. Казалось, что переводчик избегал длинот, затягивающих действительную часть, или неуместных описаний.

Так, напр., сейчас за сообщением о рождении Висы и обстановке ее воспитания, длинное предлинное описание ее красоты (20,14—21,20). И от этого описания в грузинском тексте нет ничего.

Но там же, с другой стороны, грузинский текст содержит (9,23—10,17) подробное описание красоты Рамина, воспитывавшегося вместе с Ви-

¹ По всей видимости, эпитеты.

² Буквальный грузинский перевод.

³ Вместо перепода «сахарногубал».

⁴ Союз «и».

⁵ Ср. про Вису 24,5.

⁶ Кавказское название греков; о прохождении термина см. П. Марр, ЗВО, XXV, 252—254.

сой. и от этого описания в персидском подлиннике ни одной строки, ни одного стиха.

Своеобразное сокращение представляет собой в грузинской версии то место, в котором, по мысли автора, узел испытаний царя Мобеда, именно договор его с красавицей Шахро о женигтбе на нерожденной ее дочери.

В оценке этого акта оба текста сходятся, один — перевод (8,5-6), перевод в обычном свободном стиле другого (19,12):

نكر نادر چه سختی اوفتادندر كه نازاده عروسی را بردادندر

ნახელს თუ რა ჭირი ნახეს ორთავე: მან უშობელი შეირთო და დედამან უშობელი გაათხოვა.

перс.:

груз.:

«Посмотри, в какое испытание они
наш за то, что нерожденную отдали
в супружество!»

«Посмотри-ка, какое испытание
перенесли они оба: он (Моабад) же-
нился на нерожденной, а мать вы-
дала замуж нерожденную».

Этому договору в персидском подлиннике предшествует пространное описание красоты Шахро (16,20—17,7), и описание это в грузинском тексте отсутствует.

Затем в персидском подлиннике обстоятельно рассказывается, как, обратив на эту выдающуюся красавицу внимание с момента ее появления на собрании, царь Мобед пригласил ее для беседы в одиночестве и посадил ее на трон, точно молодой месяц (17,8—11); и этой подробности в грузинском тексте также нет.

Беседы tête à tête царя с красавицею, доброй ее части в грузинском тексте также нет; так нет в нем первого обращения царя к Шахро с пространно и кудряво построенным предложением осчастливить его брачным союзом (17,12—19); нет и ответа Шахро, еще более пространного (17,20—18,13). Шахро указывает на то, что она мать взрослых детей, известных героев, и в то же время, вспоминая минувшую свою юность, пользуется случаем, чтобы описать пленительность красоты своей в те дни. Не то ныне, старость наложила на нее неустрашимую печать. Речь эта заключалась двумя двустихиями (18,12—13):

بزشتی هم بچشم تو شوم خوار چو کاری بینی ازمن نا سزاوار
هران پیری که برنایئ نماید جهانش ننگ ورسوائئ نماید

«Позорно и в твоих глазах стану я презренной,
Когда испытаешь меня на деле не подходящей,

Всякой старине, играющей в молодость.

Мир покажет бесславие и позор».

На это следует вторая речь царя Мобеда (18,14—19,3), и она находит уже место в грузинском переводе почти полностью. В грузинском тексте этой речи Мобеда сохранен даже намек на то, что Шахро отказалась лично выйти за него замуж: «так как ты», обращается по грузинскому тексту царь к красавице Шахро, «покрыла мраком мое сердце и лишила меня надежды, то по крайней мере не устраний меня от твоего рода, жени меня на твоей дочери!» Между тем грузинский текст мало того, что не сохранил самой речи Шахро, он сводит ее к упоминанию о каламбуре (zma).

Сокращение пространных частей, быть может, дело рук переводчика: он имеет склонность к драматической или диалогической обработке рассказа, но избегает длинот и повторений.

Но упоминание о каламбуре совершенно неожиданная черта. Вообще вся конструкция паличного текста сомнительная в данном месте.

По паличному грузинскому тексту в самый разгар веселья на шпру, ни с того ни с сего поднимается Шахро и говорит какой-то неизвестный каламбур. Вот подлинные слова грузинского текста (стр. 6,22—24):

«При этом (?) первородная (?) Шахро с улыбающимся лицом сказала каламбур шаху Моабаду. И когда его услышал от Шахро, шах Моабад так сказал», и идет вслед перевод второй речи царя Мобеда, сказанной наедине, по персидскому подлиннику.

Совершенно ясно, что переводчик, сохранивший в этой ответной речи намек на мысли из речи красавицы Шахро, не мог так сократить его, этот женский ответ, до нуля; нельзя говорить о случайности исчезновения речи красавицы Шахро, когда грузинский текст вводит новую подробность — «каламбур», неизвестный и непонятный «каламбур», если не принять во внимание одного обстоятельства: в Грузии повесть была предметом гонения со стороны духовенства, как содействующая, мол, откровенностью речи распространению разврата в грузинском народе, и при возрождении грузинской литературы в XVI—XVII в. это мнение имело многих сторонников. Считаясь с этим общественным настроением, любитель повести Вис-Рамнани не мог утверждать в речи красавицы Шахро, быть может, сокращенной еще под пером древнего переводчика, заключительных рискованных мыслей, уже приведенных в переводе с персидского, и приписал красавице произнесение «каламбура».

Еще один пример расхождения грузинского перевода с персидским подлинником (74,5—8):

بشكیر آن چنان نالم بزاری كه بر گل بر بزد باد بهاری
 سحرگاهان چنان نالم به بیمار چو آبر دی مهی بر شخ كھسار
 بیار بدست از آن دو چشم دلگیر مرا بر دل هزاران ناولك تیر
 برفتاد است از ان دوزلف دلبند مرا بر پا هزاران گونه گون بند

«Раннею зарею так стону я с плачем,
 Как весенний ветер бьет розу,
 Раннею зарей так плачу я с тоской,
 Как декабрьское облако на верху горы.
 Из обоих глаз похитительницы сердца полились
 На мое сердце тысячи стрел,
 Упали от пары локонов пленительницы сердца
 На мои ноги тысячи различного рода уз».

В грузинской передаче замечается редакционная переработка персидского изложения: картины из природы, с которыми Рамин сравнивает свой плач, объединены в одной фразе, и соответственно равно две фразы о самом плаче использованы для разработки сравниваемой части. В то же время в этой части указание времени совершенно устраняет наличный текст: вместо плача со стоном или с тоской ранней зарею наличный текст говорит о тоске и связанном с нею плаче; как это ни странно, «в час радости» — სიხარულის უამს, между тем часть с картинками из природы сохранила указание на время — то зарю (ცისკარი), то просто утро (დილა). Очевидно, в чтении სიხარულის *радости* искажение какого либо слова, означающего *зарю*, как мне кажется, — того арабского, которое налицо в персидском стихе 74,6¹ — سحر sahar, собственно в составе сложного слога سحرگاه, чѣму буквально соответствовало бы грузинское სჯარის უამს «в час *зари*». Как мало известное арабское слово, sahar- было по недомыслию принято за искажение грузинской основы радоваться (jar) с префиксом sa-, и подлинное чтение სჯარის saharisa заменено совершенно неуместным грузинским — სიხარულის si-jar-ul-is-a.

С указанной поправкой грузинский текст (74,11-16) занимающего нас места гласит:

სჯარის უამს ასრე დაღრეჟილივარ,
 რომე მტერთაგანცა შესაბრალებულად,
 ნიადავ ესრე ვტირ,
 ვითარცა ცისკრის უამს ვარდსა ზედან იადანს

¹ Илл. دل.

და ვითა დიღასა მათა ზედა გასაფხულის ღრუბელი.
მე მისთა ღამათა თუაღთაგან
გულს ასი ათასი ისარი მარტუის
და
ფერკთა დაუქსნელი ემუდა მაურია».

«В час утренней зари так я тоскую.
(Что даже враги могут пожалеть),
Постоянно так плачу.
Как соловей над розой в час зари
И как весеннее облако на горах утром.
У меня от ее (прекрасных) глаз вонзены
В сердце сто тысяч стрел,
.
На *ногах* наброшены перазвязываемые путы».

Грузинский в верности персидскому тексту точно воспроизводит для передает каждую мысль, каждый образ, каждую картину оригинала.

В персидском подлиннике желтизна труса сравнивается с цветом монеты динара (39,11¹: دينار), в грузинском тексте с цветом скорпиона (29,15: ღრისკელს).

Эта замена представляет значение не со стороны лишь вопроса о поэтическом стиле. Сравнение кого либо по цвету с монетой не чуждо и грузинской поэзии.

Само слово для выражения «динара» на грузинском языке существовало: это *drahka*-и. Оно полагается, как будто, и в тексте Vis-Ramian, так — на стр. 87,10 Виса говорит кормилице про Рамина:

ვერცა იგი ღრისკნითა მამღორებს და ვერცა შენ შენითა სჯებრითა.

«Ни он (Рамин) не обманет меня деньгами (*букв.* *drahka*'ом, т. е. динаром) и ни ты не обманешь меня разговором».

Однако в персидском подлиннике *вм.* دينار *динар* здесь стоит *دیدار دید* (86,2):

نه او بفریدم هرگز بدیدار نه نو بفریبیم هرگز بگفتار

«Ни он не обманет меня *видом*, ни ты не обманешь меня разговором».

Однако, вероятно, в списке, который был в руках у грузина-переводчика, читалось دينار или, очевидно, так он прочитал *вм.* подлинного دیدار *dīdār*, находящегося в конце первого стиха в большем соответствии своим зубным, как рифма, с конечным словом 2-го стиха گفتار *gofdar*—d||*ḡ*, чем слово دينار *dīnār*.

Или еще (стр. 67,4-6) в сравнении в форме пословицы (არაკი):

დარჩა შობადის თუაღთა შიგან ვისი, ვითა შდიდრის დრატკანი გლახსსკან
სახსსვად, ვითა შშიერს ლომს ტოილოთა დაბმულს წინა კანჯარი წუნარად მს-
ვადი.

«В глазах царя Мобеда Виса оказалась, как *динар* (букв. drabkam) бо-
гача для зрения бедняка, как спокойно идущий *онагр* перед голодным львом,
связанным в путах».

В соответствующих персидских двустишиях (68,7-8) دينار на месте,
но вм. «онагра» «дичь»:

بچشمش در بمانده دلبر خویش چو دينار کسان در چشم درویش
چو شیری گرسنه بسته، بزنجیر دوان در پیش او بی باک نجیر

Если тем не менее, когда с динаром делается сравнение по желтизне (39,11), его заменяет скорпион (29,15), и если это не по смешению не-
сколько схожих в грузинском დრატკანი и დრახსსკადი, то ясно, что у грузина
нет уже представления о динаре, как о желтом предмете, как о золотой
монете, это — факт, могущий иметь значение для датировки паличного гру-
зинского текста: динар в быту перестал быть золотым в монгольскую эпоху¹.

К приемам приспособления текста к природным условиям грузинской
среды можно отнести замену неизвестных физически предметов известными,
как, напр., в точно переведенном на грузинский язык персидском двустишии
60,6 вм. реки Джицуна появляется Кура:

ز گریه دشتهارا کرد جیحون غویه کوه هارا کرد هامون

Кормилица —

«Плачем поля обратила в Джихун,
Рыданием горы обратила в стень».

В грузинском место гласит (56,9-10):

ტოილითა მინდორი მტკუნად შექნა და შოთქმითა მთა კადვად.

«Плачем поле обратила в Куру,
Причятианьем гору обратила в равнину».

Однако, трудно возвести эту подробность к первому переводчику, когда
Джихун (ჯიჯონი) сохраняется при сравнении в других случаях, напр. 66,26
(перс. 68,3²).

Так и слово *ბ* *кумир* в грузинском тексте сохраняется в иных слу-
чаях, при том сохраняется не в переводе, а в персидской подлинной форме

¹ В. В. Бартольд, Персидская надпись на стене Анийской мечети Мануче (Анийская серия, V) стр. 17-18, 44.

ბუნ ბიჲ, напр. в 75,2, где Рамин Вису сравнивает с «одаренным речью кумиром» — ბუნის მოუბარის (перс. 74,20²: بت گویا)¹.

Впрочем перед нами еще критически не установленный текст, и не все особенности, реального ли они характера или словесного, формального или по существу, касаются ли поэтического стиля произведения или вообще языка, имеем право усваивать без оговорки первоначальному состоянию грузинского текста *Висы и Рамина*.

Для лингвиста текст Vis-Ramini — непочатый клад, подходит ли к языку памятника с точки зрения интереса к народной речи, притом специально месхской, или как к носителю в себе переживаний форм древне-литературного языка, который, в конце концов, также был интимно связан, если не генетически, с Месхию.

С месхской или месхийской народной средой связывает, вероятно, и кое-что из литературных приемов, общих с поэмой Шоты Руставели. Не всегда и не все приходится объяснить зависимостью Шоты от Vis-Ramini.

С автором повести Vis-Ramini Шота из Рустава разделяет между прочим приемы восхваления героев, так, напр., привлечение ими множества почитателей.

В конце описания героя Vis-Ramini Рамина сказано (10,14-17):

მისისი მხსველისა ჳაღაბი ესეთი
შეიქნის, რომელ იგი მიღამო ველი და
ფილორტნი ველარ იტყვიან და უუელა
კელ-აზრობით მისსა მხეგრქელაბას
ღმერთისაგან ითხოვიან.

«Желавших видеть его набира-
лась такая толпа, что кругом пло-
щадь и улицы не могли вместить, и
все просили у Бога долгоденствия
ему, воздев горé руки».

Герой Шоты Тариел то же самое по существу говорит про себя:
463,1.

ჩემთა მჭურქელთა მოკცვა ქალაქი, შუკა და ხანი.

«Желавшие видеть меня покрыли город, площади, кровли».

Грузинская версия Висы и Рамина, не в пример грузинским стихотворным версиям Шаһ-нама, имеет весьма существенное значение для критики персидского текста. Большинство стихов передаются, конечно, в точном переводе по-грузински. Это требует особого рассмотрения.

Пользуюсь случаем предложить, независимо от грузинской версии, по-

¹ Это персидское слово имеется как будто и во фразе — უთარსა ბუნისა ვგავ უცნობობითა «по неразумению я подобен обезглавленному кумиру» (74,10), чему в персидском подлиннике соответствия нет, но это по недоразумению особого рода (см. выше, стр. 121).

правку в одном из двуступий предисловия в персидском подлиннике. Двуступише (3,20) гласит:

جو هستی یافتند این چار مادر هوا و خاڪ و باد و آب و آذر

«Когда бытие обрели эти *четыре* стихии —

Воздух, земля, ветер, вода и огонь».

Получается противоречие: в первом стихе названы «четыре стихии», а во втором перечисляются пять — «*воздух*, земля, ветер, вода и огонь». Да и в этом перечне какая то несуразность: или «воздух» с «ветром» представляют одну стихию, и тогда получается странная тавтология, или под هوا падо понимать не «воздух» вообще, а «небесный эфир», вообще «небо».

Мнение о пяти элементах в *Фихрист-эл-фулум* приписывается сабейцам, но оно известно было, по всей видимости, в иранском мире: по этому мнению, существуют пять стихий или элементов, четыре — известные, и небо особо, как пятый элемент¹.

Потому, если персидский язык не позволяет هوا понять как «небо», в крайнем случае — «небесный эфир», то вместо него следует подставить سماں (вм. اسمان) *небо* и в первом стихе پنج *пять* вм. چار *четыре*; персидский размер позволяет и то и другое изменение, и в таком случае обсуждаемое двуступише будет гласить:

جو هستی یافتند این پنج مادر سماں و خاڪ و باد و آب و آذر

«Когда бытие обрели *пять* стихий —

Небо, земля, *воздух*, вода и огонь».

Н. Марр.

¹ Хвольсон, Die Saabier, I, 76.